

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по жалобе гражданина Байкулова Артура Ахмедовича на нарушение его конституционных прав пунктами 2 и 3 части второй статьи 30 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

город Санкт-Петербург

28 июня 2012 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, Г.А.Жилина, С.М.Казанцева, М.И.Клеандрова, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, Н.В.Селезнева, В.Г.Ярославцева,

заслушав заключение судьи К.В.Арановского, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы гражданина А.А.Байкулова,

у с т а н о в и л :

1. В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации гражданин А.А.Байкулов просит признать не соответствующими статье 47 (часть 1) Конституции Российской Федерации следующие положения части второй статьи 30 УПК Российской Федерации:

пункт 2, устанавливающий подсудность суду с участием присяжных заседателей уголовных дел о преступлениях, указанных в части третьей

статьи 31 УПК Российской Федерации, за исключением уголовных дел о преступлениях, предусмотренных статьей 205, частями второй – четвертой статьи 206, частью первой статьи 208, частью первой статьи 212, статьями 275, 276, 278, 279 и 281 УК Российской Федерации;

пункт 3, относящий к подсудности суда в составе коллегии из трех судей федерального суда общей юрисдикции уголовные дела о преступлениях, предусмотренных статьей 205, частями второй – четвертой статьи 206, частью первой статьи 208, частью первой статьи 212, статьями 275, 276, 278, 279 и 281 УК Российской Федерации, а при наличии ходатайства обвиняемого, заявленного до назначения судебного заседания в соответствии со статьей 231 УПК Российской Федерации, – уголовные дела о преступлениях, предусмотренных частью второй статьи 105, частью третьей статьи 126, частями третьей и четвертой статьи 131, частями третьей и четвертой статьи 132, статьями 205¹, 205², 209–211, 227, частью пятой статьи 228¹, частью четвертой статьи 229¹, статьями 277, 295, 317, 353–358, частями первой и второй статьи 359 и статьей 360 УК Российской Федерации.

Как следует из представленных материалов, А.А.Байкулов обвинялся в том, что в период отбывания наказания в воспитательной колонии совершил преступления, предусмотренные частью четвертой статьи 111, частями второй и третьей статьи 212 и частью третьей статьи 321 УК Российской Федерации. В рамках того же уголовного дела обвинение было предъявлено кроме А.А.Байкулова еще сорока четырем лицам, из которых девятерым вменялось в вину в том числе совершение преступления, предусмотренного частью первой статьи 212 УК Российской Федерации.

По окончании ознакомления с материалами уголовного дела А.А.Байкулов и ряд других обвиняемых заявили ходатайства о рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей, однако эти ходатайства были оставлены без удовлетворения на предварительном слушании (постановление судьи Свердловского

областного суда от 18 декабря 2009 года), а также в подготовительной части судебного заседания (определение Свердловского областного суда от 19 января 2010 года) со ссылкой на то, что часть вторая статьи 30 УПК Российской Федерации исключает рассмотрение уголовных дел о преступлении, предусмотренном частью первой статьи 212 УК Российской Федерации, обвинение в совершении которого предъявлено некоторым обвиняемым по данному уголовному делу, судом с участием присяжных заседателей (пункт 2) и относит такие дела к подсудности суда в составе коллегии из трех судей федерального суда общей юрисдикции (пункт 3).

Свердловский областной суд признал А.А.Байкулова невиновным в совершении преступления, предусмотренного частью четвертой статьи 111 УК Российской Федерации, обвинение по части третьей статьи 212 данного Кодекса исключил как излишне вмененное, в совершении преступлений, предусмотренных частью второй статьи 212 и частью третьей статьи 321 данного Кодекса, признал его виновным (приговор от 14 декабря 2010 года). В кассационной жалобе на вынесенный в отношении него приговор А.А.Байкулов, помимо прочего, указал на то, что, не будучи обвиняемым в совершении преступления, предусмотренного частью первой статьи 212 УК Российской Федерации, имел право на рассмотрение своего уголовного дела судом с участием присяжных заседателей, о чем и заявлял ходатайство, а потому считает состав суда, который рассматривал данное уголовное дело, незаконным. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, сославшись, в свою очередь, на пункт 3 части второй статьи 30 УПК Российской Федерации, оставила приговор в отношении А.А.Байкулова без изменения, а его кассационную жалобу без удовлетворения (определение от 2 июня 2011 года).

Нарушение конституционного права каждого на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом, заявитель усматривает в произвольном определении состава суда,

который должен рассматривать уголовное дело в случае, когда одни обвиняемые по этому уголовному делу в соответствии с пунктом 2 части второй статьи 30 УПК Российской Федерации имеют право на суд с участием присяжных заседателей, а в отношении других согласно пункту 3 части второй той же статьи дело подлежит рассмотрению коллегией из трех судей федерального суда общей юрисдикции.

2. Конституция Российской Федерации гарантирует каждому право на судебную защиту его прав и свобод (статья 46, часть 1) и в качестве его обязательного элемента – право на законный суд, закрепленное в ее статье 47 (часть 1), согласно которой никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом. Конституционное право на судебную защиту охватывает своим содержанием и право на доступ к правосудию, которое по самой своей сути может признаваться таковым, если оно отвечает требованиям справедливости и обеспечивает эффективное восстановление в правах, что следует из статей 1, 2, 17, 18 и 46 Конституции Российской Федерации и корреспондирующих им положений международно-правовых актов, являющихся составной частью правовой системы Российской Федерации (статьи 7, 8 и 10 Всеобщей декларации прав человека, статья 14 Международного пакта о гражданских и политических правах и статья 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод); в рамках уголовного судопроизводства это требует, по меньшей мере, установления фактических обстоятельств происшествия, в связи с которым было возбуждено уголовное дело, его правильной правовой оценки, выявления конкретного вреда, причиненного обществу и отдельным лицам, и действительной степени вины лица в совершении инкриминируемого ему деяния; при этом не предполагается возможность для гражданина по своему усмотрению выбирать любые способы и процедуры судебной защиты, – они определяются федеральными законами на основе Конституции Российской Федерации (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2003 года № 18-П и от 17 ноября

2005 года № 11-П, определения Конституционного Суда Российской Федерации от 18 апреля 2006 года № 114-О, от 21 декабря 2006 года № 565-О, от 16 января 2007 года № 233-О-П и № 234-О-П, от 17 июля 2007 года № 548-О-О, от 21 октября 2008 года № 514-О-О, от 16 апреля 2009 года № 359-О-О, от 25 февраля 2010 года № 221-О-О, от 29 сентября 2011 года № 1185-О-О и др.).

Рассмотрение дела судом с участием присяжных заседателей не является неременной составляющей реализации права на судебную защиту, как оно гарантировано Конституцией Российской Федерации, ее статьей 46 во взаимосвязи со статьями 15 (часть 4), 17, 47 и 123 (часть 4), а также со статьей 20 (часть 2) по ее смыслу в условиях действующего в Российской Федерации моратория на смертную казнь и статьей 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в ее официальном толковании Европейским Судом по правам человека: обвиняемому в совершении преступления право на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей предоставляется в случаях, предусмотренных федеральным законом. При этом предполагается, что, определяя подсудность уголовных дел суду с участием присяжных заседателей, федеральный законодатель действует не произвольно, а исходя из обусловленности дифференциации процессуальных форм судебной защиты – при соблюдении баланса конституционных ценностей и безусловного гарантирования равенства перед законом и судом (статья 2; статья 17, часть 3; статья 19, части 1 и 2; статья 55, часть 3, Конституции Российской Федерации) – обязанностью государства обеспечивать эффективность способов правовой защиты.

Соответственно, продиктованное указанной целью изменение подсудности уголовных дел о тех или иных преступлениях суду с участием присяжных заседателей, как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 19 апреля 2010 года № 8-П, само по себе не затрагивает существо права на законный суд и не может расцениваться как ограничение права на судебную защиту. Исходя из этого

Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что положения пунктов 2 и 3 части второй статьи 30 УПК Российской Федерации (в редакции Федерального закона от 30 декабря 2008 года № 321-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам противодействия терроризму») – по своему смыслу в системе норм, регулирующих подсудность уголовных дел, – как исключаяющие из подсудности суда с участием присяжных заседателей некоторые уголовные дела (именно с учетом их специфики), не предполагают возможность их рассмотрения этим судом, несмотря на то что в объем обвинения включены и составы преступлений, подлежащие рассмотрению судом с участием присяжных заседателей; дискреция федерального законодателя в выборе для рассмотрения уголовных дел при такой совокупности преступлений в качестве законного суда исключительно коллегии из трех профессиональных судей – в силу необратимости процесса отмены смертной казни в системе действующего правового регулирования в соответствии с целью статьи 20 (часть 2) Конституции Российской Федерации – не может быть ограничена, равно как и его правомочие вводить в процессе совершенствования уголовно-процессуального регулирования дополнительные процедуры, обеспечивающие раздельное рассмотрение уголовных дел.

3. В ходе осуществления уголовного судопроизводства возможно использование различных способов учета позиции обвиняемого, ходатайствующего о рассмотрении его дела тем или иным составом суда.

В частности, в случае возражения части подсудимых против рассмотрения уголовного дела с участием присяжных заседателей не исключается принятие судом решения о раздельном рассмотрении дел, поскольку именно суду в конечном счете принадлежит право определять надлежащие процедуры для разрешения конкретного дела, оценивая достаточность либо недостаточность оснований для применения данных процедур и возможность обеспечить полноту и объективность рассмотрения обвинений в отношении других подсудимых судом с

участием присяжных заседателей (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2010 года № 8-П). В таких случаях в силу прямого предписания части второй статьи 325 УПК Российской Федерации, действующей в редакции Федерального закона от 11 июля 2011 года № 194-ФЗ, судом должно быть установлено, что такое выделение уголовного дела в отношении одного или нескольких подсудимых в отдельное производство не будет препятствовать всесторонности и объективности разрешения как уголовного дела, выделенного в отдельное производство, так и уголовного дела, рассматриваемого судом с участием присяжных заседателей; при невозможности выделения уголовного дела в отдельное производство уголовное дело в целом рассматривается судом с участием присяжных заседателей.

Принятие судом решения о раздельном рассмотрении дел возможно и в случае, когда в числе преступлений, совершение которых вменяется в вину части подсудимых по уголовному делу, имеется такое преступление, дело о котором в силу осуществленного федеральным законодателем в рамках своих дискреционных полномочий регулирования исключено из юрисдикции суда с участием присяжных заседателей. Но даже если судом будет установлено, что ходатайство подсудимого о рассмотрении его дела судом с участием присяжных заседателей не подлежит удовлетворению, поскольку разделение дел отразится на всесторонности и объективности их разрешения, всем подсудимым по данному уголовному делу – в силу приведенных правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации – в равной мере гарантируется доступ к правосудию, отвечающему требованиям справедливости и обеспечивающему эффективное восстановление в правах.

4. Таким образом, поскольку рассмотрение дела судом с участием присяжных заседателей не является неременной составляющей реализации конституционного права на судебную защиту, а положения пунктов 2 и 3 части второй статьи 30 УПК Российской Федерации, как

исключающие определенные категории уголовных дел из подсудности суда с участием присяжных заседателей, не предполагают возможность их рассмотрения этим судом, постольку в том случае, когда справедливому, всестороннему и объективному разрешению уголовного дела препятствует выделение дел в отношении одного или нескольких подсудимых, заявивших ходатайство о рассмотрении дела судом с участием присяжных заседателей, в отдельное производство, такое уголовное дело подлежит рассмотрению в отношении всех подсудимых судом в составе трех судей федерального суда общей юрисдикции, являющимся законным судом для всех подсудимых. Иное приводило бы к нарушению законодательного исключения из подсудности суду с участием присяжных заседателей уголовных дел о соответствующих преступлениях, а потому к разрешению дела незаконным составом суда, либо – в случае удовлетворения указанного ходатайства – к рассмотрению дел в условиях, не отвечающих требованиям справедливого, всестороннего и объективного их разрешения, т.е. к искажению самого существа правосудия и нарушению права на судебную защиту.

Соответственно, пункты 2 и 3 части второй статьи 30 УПК Российской Федерации сами по себе не могут рассматриваться как нарушающие права А.А.Байкулова (при том, что выбор федеральным законодателем видов преступлений, дела о которых выведены из юрисдикции суда с участием присяжных заседателей, им не оспаривается). Вопрос же о том, могло ли раздельное рассмотрение уголовных дел в отношении него и других подсудимых воспрепятствовать постановлению законных и обоснованных судебных решений, требует проверки и оценки фактических обстоятельств и не относится к компетенции Конституционного Суда Российской Федерации, как она определена статьей 125 Конституции Российской Федерации и статьей 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации».

Этим не затрагивается правомочие федерального законодателя –

исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в том числе в настоящем Определении, – вносить изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, направленные на совершенствование регулирования подсудности уголовных дел суду с участием присяжных заседателей, а также на обеспечение интересов лиц, обвиняемых в совершении преступлений, дела о которых не подлежат рассмотрению судом в таком составе.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьей 6, пунктами 2 и 3 части первой статьи 43, частью четвертой статьи 71, статьей 78 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Признать жалобу гражданина Байкулова Артура Ахмедовича не подлежащей дальнейшему рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации, поскольку для разрешения поставленного заявителем вопроса не требуется вынесение предусмотренного статьей 71 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» итогового решения в виде постановления.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Председатель
Конституционного Суда
Российской Федерации

В.Д.Зорькин

**Мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации
К.В.Арановского**

В несогласии с частью доводов, изложенных в Определении от 28 июня 2012 года № 1274-О, как и с отказом Конституционного Суда Российской Федерации рассмотреть жалобу А.А.Байкулова о неконституционности пунктов 2 и 3 части второй статьи 30 УПК Российской Федерации, считаю себя обязанным сообщить нижеследующее мнение.

Жалоба заявителя и неопределенность в том, соответствуют ли оспариваемые законоположения Конституции Российской Федерации в их истолковании судами общей юрисдикции, создают повод и основание к проверке их конституционности.

1. А.А.Байкулову было предъявлено обвинение в участии в массовых беспорядках (часть вторая статьи 212 УК Российской Федерации), в призывах к участию в них (часть третья той же статьи) и в дезорганизации деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, организованной группой с применением насилия, опасного для жизни или здоровья (часть третья статьи 321 УК Российской Федерации), а также в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, повлекшем по неосторожности смерть потерпевшего (часть четвертая статьи 111 УК Российской Федерации). Осужден же он по части второй статьи 212 и части третьей статьи 321 УК Российской Федерации.

Заявителю вменялись преступления, совершенные в воспитательной колонии, и по одному с ним делу обвинения были предъявлены еще 44 «воспитанникам». Ряд обвиняемых, включая А.А.Байкулова, просили рассмотреть их дело судом присяжных, но это ходатайство было отклонено на том основании, что часть обвиняемых по делу привлечена к ответственности за организацию массовых беспорядков (часть первая статьи 212 УК Российской Федерации), а дела о таких преступлениях, согласно пункту 2 части второй статьи 30 УПК Российской Федерации, суд присяжных рассматривать не вправе, – рассматривать их должна коллегия из

трех судей федерального суда общей юрисдикции (пункт 3 той же части той же статьи). Коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации вывод нижестоящего суда поддержала.

2. Конституция Российской Федерации гарантирует каждому право на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом (статья 47, часть 1), а в предусмотренных федеральным законом случаях – право обвиняемого на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей (статья 47, часть 2). Федеральным законом, а именно пунктом 2 части второй статьи 30 во взаимосвязи с частью третьей статьи 31 УПК Российской Федерации, установлено, что уголовные дела о преступлениях, предусмотренных в том числе частью третьей статьи 321 УК Российской Федерации, подлежат рассмотрению профессиональным судьей и коллегией присяжных, если обвиняемый заявит о том ходатайство. Иных условий использования права на суд присяжных, кроме обращения с ходатайством о нем, процессуальный закон не называет, исключая, однако, этот суд в случаях, когда лицу предъявлено обвинение по статьям 205, 206 (части вторая – четвертая), 208 (часть первая), 212 (часть первая), 275, 276, 278, 279 и 281 УК Российской Федерации. А.А.Байкулову такие преступления не вменялись.

Право на «свой суд», включая суд присяжных, относится к правам «каждого», т.е. является индивидуальным, а не коллективным, и его использование не поставлено конституционными положениями в зависимость от обстоятельств, при которых другие лица осуществляют такое же право. Конституция Российской Федерации (статья 49, часть 1) подразумевает личную, а не общую ответственность, даже если в уголовном деле участвуют несколько обвиняемых (подсудимых). Это относится не только к преступным деяниям, за которые каждый отвечает лично, но и к процедуре ответственности. Согласно части четвертой статьи 171 УПК Российской Федерации в случае привлечения по одному уголовному делу нескольких лиц в качестве обвиняемых постановление о привлечении в качестве обвиняемого выносится в отношении каждого из них. В общем,

процедура привлечения к уголовной ответственности, как это следует из Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2010 года № 8-П, не должна исключать осуществление конституционного права каждого на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом, включая право на рассмотрение дела судом присяжных.

Реализацию названного права может затруднять, в частности, уголовно-правовое и процессуальное соучастие обвиняемых по связанным между собой обвинениям, что, однако, не должно исключать его использования, если осуществление этого права не ограничено федеральным законом. Оспариваемые, как и другие положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации не ограничивают права на суд присяжных лишь уголовными делами с одним обвиняемым (подсудимым) и не запрещают это право использовать, если дело расследовано в отношении соучастников. Соучастие само по себе не дает оснований отказать обвиняемому в ходатайстве о суде присяжных, даже если вместе с ним к ответственности привлечены другие лица по обвинениям в преступлениях, дела о которых из подсудности суда присяжных изъяты законом.

3. Право на суд присяжных становится возможным, если уголовное дело по обвинениям, предъявленным нескольким лицам, рассматривать отдельно в отношении тех обвиняемых, кто имеет это право, и тех, кому закон в праве на такой суд прямо отказывает. Нужно лишь выделить в отдельное производство дело той или другой части обвиняемых. Этому, однако, могут препятствовать соображения процессуальной экономии и эффективности, как и требования всесторонности и объективности предварительного расследования и судебного следствия.

Как правило, уголовное дело нескольких лиц удобнее и быстрее рассмотреть в одном, а не в отдельных производствах, если обвинения между собою связаны. Но тогда осуществление права на суд присяжных становится в зависимость от усмотрения следствия и суда и от фактических обстоятельств: есть ли в деле соучастники; подсудны ли вменяемые им

преступления суду присяжных; считает ли следователь и суд полезным и правильным раздельное рассмотрение дел. Право на суд присяжных, когда оно установлено и не ограничено процессуальным законом, не должно быть утрачено ради одной лишь процессуальной экономии или эффективности. Из Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 19 июля 2011 года № 17-П следует, что процессуальная экономия как таковая – не самоцель, что она предназначена дать основу быстрому и эффективному разрешению дел, но не допускает снижения уровня процессуальных гарантий.

Еще больше отдельному производству могут препятствовать требования всесторонности и объективности, соблюдение которых Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации предполагает и на стадии предварительного расследования (часть вторая статьи 154), и в судебном следствии (часть вторая статьи 325). Они могут отчасти пострадать, если уголовные дела по связанным обвинениям рассматривать врозь.

Так, суды разных составов, рассматривая частями одно, по сути, дело и неодинаково оценивая однородные деяния, совершенные при одинаковых обстоятельствах, могут прийти к разным выводам и назначить разные наказания, давая повод сомневаться в объективности правосудия. Это обусловлено разницей не столько между присяжными и профессиональными судьями, сколько между судьями вообще, так как каждый имеет свои убеждения, которые могут не вполне совпадать.

Тем не менее процессуальный закон, допуская выделение уголовных дел в отдельное производство, предполагает объективность, понимаемую как беспристрастность суда, в любом его составе и безотносительно к тому, в одном либо в раздельных производствах решает он вопрос о виновности лиц, обвиняемых в совершении взаимосвязанных преступлений (пункт 1 части пятой статьи 217 УПК Российской Федерации и др.). Следовательно, требование объективности в смысле беспристрастного правосудия исполнимо и в раздельных производствах, а потому не может исключать

выделение уголовного дела, когда без этого нельзя обеспечить обвиняемому право на суд присяжных.

К рассмотрению уголовного дела в отношении всех обвиняемых (подсудимых) располагает и требование всесторонности. Однако Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации обязывает ко всесторонности лишь косвенно. Так, назначением уголовного судопроизводства его статья 6 называет защиту прав и законных интересов потерпевших, защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения и ограничения ее прав и свобод. Следуя такому назначению, судопроизводство по понятным причинам не всегда обеспечивает всесторонность.

Под всесторонностью можно понимать многое, например тщательность в отыскании и в исследовании доказательств. Применительно к взаимосвязанным преступлениям, совершенным с участием многих лиц, этому иной раз способствует их расследование и рассмотрение в общей совокупности. Всесторонность в этом смысле, пусть и не без труда, может быть обеспечена старательностью и усилиями следствия и суда. Если же иметь в виду полноту истины, подлежащей выявлению в уголовном деле, то в таком понимании всесторонность означала бы главный принцип инквизиционного (розыскного) процесса. Цель его – абсолютная истина, – во-первых, недостижима; во-вторых, в нравственно-религиозном смысле сомнительна; в-третьих, несколько опорочена издержками и злоупотреблениями инквизиционного судопроизводства. Издержки, впрочем, и злоупотребления известны правосудию всех типов, но и в стороне от вопроса о том, хорош розыскной процесс или плох, можно утверждать, что всесторонность с видами на абсолютную (полную) истину объективно противоречит состязательности.

Всесторонность, во всяком случае, не относится и к принципам уголовного судопроизводства, как они установлены главой 2 УПК Российской Федерации, например в предписаниях о разумном сроке судопроизводства (статья 6¹), о законности (статья 7) и презумпции невиновности (статья 14), о состязательности сторон (статья 15) и

обеспечении права на защиту (статья 16), о свободе оценки доказательств (статья 17) и праве на обжалование процессуальных действий и решений (статья 19). Как установил Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 19 апреля 2010 года № 8-П, из Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации следует, что ни приостановление производства в отношении одного из подсудимых, ни решение о возвращении уголовного дела прокурору (часть третья статьи 253 и статья 237), предполагая раздельное рассмотрение уголовных дел в отношении подсудимых, не препятствуют продолжению судебного разбирательства, поскольку пункт 4 части первой статьи 237 данного Кодекса называет основанием, препятствующим дальнейшему судебному разбирательству, лишь необходимость соединения, а не выделения уголовных дел. Словом, процессуальный закон принципиально не препятствует раздельному рассмотрению уголовных дел в интересах всесторонности их рассмотрения.

Всесторонность, таким образом, не поставлена законом выше и даже вровень с принципами уголовного судопроизводства и с конституционными его началами. Сам закон жертвует всесторонностью даже ради процессуальной экономии и эффективности, например в особом порядке судебного разбирательства (раздел X УПК Российской Федерации). Осуществлению же конституционных прав она тем более не может препятствовать.

4. Отдельное производство как способ обеспечить права и законные интересы бывает необходимым в различных случаях. Так, в Постановлении от 19 апреля 2010 года № 8-П Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что рассмотрение связанных дел в разных производствах позволяет обеспечить право на смягчение наказания обвиняемым, заключившим досудебное соглашение о сотрудничестве согласно части второй статьи 62 УК Российской Федерации, с применением к ним особого порядка принятия судебного решения, предусмотренного главой 40¹ УПК Российской Федерации.

Из этой правовой позиции следует, что в обеспечение своего права на

смягчение наказания обвиняемый, притязающий на это право, может ходатайствовать о рассмотрении его уголовного дела судом профессиональных судей, даже если в этом деле участвуют обвиняемые, имеющие право на суд присяжных. Отказать ему в таком ходатайстве, как установил Конституционный Суд Российской Федерации в том же Постановлении, можно лишь постольку, поскольку правила о смягчении наказания должны соблюдаться и в этом случае.

В отличие от права на смягчение наказания, которое можно обеспечить в судопроизводстве разных видов, право на суд присяжных относится не к материальным, а к процессуальным правам и осуществляется лишь в присяжном правосудии. И если участие в деле части обвиняемых препятствует использованию права на суд присяжных, уголовное дело тех обвиняемых, которые это право имеют, в отдельное производство должно быть выделено.

Изложенное не означает, разумеется, безусловного права лица быть судимым по составу преступления, допускающему суд присяжных, отдельно от состава, по которому такой суд прямо исключен законом, – в этом случае суд применяет к обвиняемому законные ограничения, которые касаются его права на «свой суд», а не прав его соучастников по делу.

5. Из Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2010 года № 8-П следует, что право обвиняемого на суд присяжных, будучи конституционным, не относится, вместе с тем, к неотчуждаемым правам, принадлежащим каждому от рождения; что суд присяжных по смыслу статьи 47 (часть 2) Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьей 123 (часть 4) образует одну из возможных, но не единственную гарантию права на независимый и беспристрастный суд и что рассмотрение дел таким судом не составляет неременного условия осуществления права на судебную защиту. Лишь в отношении обвиняемого в преступлении, за которое предусмотрена смертная казнь, рассмотрение уголовного дела судом присяжных, как установил Конституционный Суд Российской Федерации (Постановление от 2 февраля

1999 года № 3-П), образует необходимую уголовно-процессуальную гарантию, прямо предусмотренную самой Конституцией Российской Федерации (статья 20, часть 2). Поскольку, однако, сложились гарантии права не быть подвергнутым смертной казни, Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 19 ноября 2009 года № 1344-О-Р разъяснил, что на Россию более не возлагается обязанность обеспечивать обвиняемому возможность быть судимым судом присяжных в качестве гарантии судебной защиты права на жизнь.

Общепризнанные принципы и нормы международного права также не относят право на суд присяжных к обязательным условиям справедливого правосудия; это право не относится и к правам, охраняемым Конвенцией о защите прав человека и основных свобод.

Как установил Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 19 апреля 2010 года № 8-П, различие форм судебной защиты обусловлено обязанностью государства обеспечивать ее эффективность, а не целями защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Законодательный отказ от подсудности суду присяжных уголовных дел какого-либо вида сам по себе доступа к правосудию не ограничивает, а Российская Федерация устанавливает подсудность дел суду присяжных по праву законодательного усмотрения на основании своих полномочий в соответствии со статьями 71 (пункты «в», «г», «о»), 118 (часть 3) и 128 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

6. Вместе с тем в том же Постановлении от 19 апреля 2010 года № 8-П Конституционный Суд Российской Федерации установил, исходя из статей 20 (часть 2), 32 (часть 5), 47 (часть 2) и 123 (часть 4) Конституции Российской Федерации, что судопроизводство с участием присяжных имеет конституционно-правовую значимость, а это само по себе исключает необоснованный в нем отказ по тем составам преступлений, где оно уже предусмотрено федеральным законом. Ограничить это право может лишь

закон того же класса, недвусмысленно изложенный и принятый по состоятельным конституционным основаниям, например в той связи, что по делам о преступлениях террористического характера беспристрастное правосудие лучше обеспечено профессиональным, а не присяжным судом.

Далее Конституционный Суд Российской Федерации со ссылкой на постановления от 16 марта 1998 года № 9-П, от 2 февраля 1999 года № 3-П, от 6 апреля 2006 года № 3-П и от 21 января 2010 года № 1-П посчитал недопустимой неопределенность в правилах о подсудности, устранять которую приходилось бы дискреционным решением, не основанным на законе. Между тем в отсутствие правил, обязывающих обеспечить обвиняемым право на суд присяжных выделением в их отношении отдельного производства из уголовного дела, оспариваемые законоположения позволяют так себя истолковать, что это может исключать осуществление обвиняемым права на суд присяжных. В таком истолковании и следовало оценить их конституционность.

7. Будучи основой гражданского правового общежития, честность не поименована в отдельно ей посвященных конституционных положениях, но на ней основан, например, конституционный принцип поддержания доверия граждан к закону, правосудию и действиям властей, о котором неоднократно сообщал в своих решениях Конституционный Суд Российской Федерации. Конституционные принципы и правила потому и получили признание в различных обществах, не исключая России, что под их защитой имеют силу обязательства, ими охраняются правомерные ожидания.

Установление федеральным законом права на суд присяжных позволяет обвиняемым правомерно ожидать, что это право не будет ими утрачено или упразднено произвольно принятым законом или процессуальным решением под влиянием случайных обстоятельств. Такое ожидание тем более основательно, что сам Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, как выяснил Конституционный Суд Российской Федерации, поддерживает определенный приоритет суда присяжных при

выборе обвиняемыми состава суда (Постановление от 19 апреля 2010 года № 8-П), чем и обнадеживает. Так, если один или несколько обвиняемых отказываются от рассмотрения дела судом присяжных заседателей, а другие по тому же делу ходатайствуют о нем, следователь решает вопрос о выделении уголовного дела в их отношении в отдельное производство, а если выделить его нельзя, уголовное дело в целом поступает суду присяжных (пункт 1 части пятой статьи 217); именно суд присяжных рассматривает уголовное дело нескольких подсудимых, если хотя бы один из них заявил о том ходатайство (часть вторая статьи 325); по общему правилу, при обвинении лица по нескольким составам преступлений, из которых часть подлежит рассмотрению судом присяжных, а другая – профессиональными судьями, дело поступает суду присяжных.

8. О конституционной значимости суда присяжных полезно судить и применительно к «современным условиям», которые Конституционный Суд Российской Федерации принимал в расчет в Постановлении от 19 апреля 2010 года № 8-П, давая оценку ограничениям подсудности дел названному суду ввиду борьбы с терроризмом. Текущую обстановку, однако, отличает не только борьба с терроризмом, но и, например, то обстоятельство, что суды и уголовное судопроизводство пребывают в реформе, проводимой, кроме прочего, во имя независимости правосудия. Если бы уголовное судопроизводство вполне отвечало ожиданиям справедливости и уверенно следовало конституционным принципам, оно не нуждалось бы в значительном реформировании. То обстоятельство, что реформа по сию пору не завершена, позволяет думать, что ее основания сохраняются.

Не исключено поэтому, что участие присяжных заседателей в суде может содействовать независимости уголовного правосудия и его общественному признанию. Оно может способствовать и развитию состязательности, имея в виду, что состязательность получала развитие при суде присяжных, а в область континентального (инквизиционного) процесса перешла со значительными правовыми заимствованиями, в том числе суда этой формы.

Становление и развитие институтов гражданского общества делает полезным вовлечение граждан в государственные дела, в том числе их участие в суде. Из этого также следует, что присяжное правосудие нельзя подвергать избыточным ограничениям, особенно без конституционных на то оснований.

9. Подобное основание однажды выявил Конституционный Суд Российской Федерации, связывая изъятие ряда дел из подсудности суда присяжных и борьбу с терроризмом (Постановление от 19 апреля 2010 года № 8-П). Выводы его, однако, касались лишь дел о террористическом акте, о насильственных захвате или удержании власти, а также о вооруженном мятеже, но не имели отношения к делам о сходных с ними преступлениях.

Организацию массовых беспорядков, бесспорно, можно сопоставить с терроризмом по содержанию и последствиям: массовые беспорядки связаны с насилием, погромами, поджогами, уничтожением имущества, применением огнестрельного оружия, взрывчатых веществ или взрывных устройств, вооруженным сопротивлением представителям власти (статья 212 УК Российской Федерации); в описании террористического акта Федеральный закон от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» тоже указывает на совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий (пункт 3 статьи 3). Однако, в отличие от террористического акта, среди признаков организации массовых беспорядков уголовный закон не называет ни цели воздействия на решения органов власти или международных организаций, ни устрашение населения.

Федеральный закон «О противодействии терроризму» (пункт 1 статьи 3) определяет терроризм как идеологию и практику, связанную с устрашением населения. Но организация массовых беспорядков, во-первых, не всегда имеет идейные основания, во-вторых, в практику может не войти и, в-третьих, не обязательно устрашает население. Возможны, как выясняется, безыдейные и спонтанно организованные массовые беспорядки в закрытых

учреждениях пенитенциарного воспитания, которые население вряд ли устрашают. Случаются и весьма опасные массовые беспорядки на почве футбольных неудовольствий, хотя и способные устрашать, но едва ли пригодные к тому, чтобы приравнять их организацию к терроризму.

Поэтому неочевидно, что цели борьбы с терроризмом, в которых Конституционный Суд Российской Федерации нашел обоснование изъятию дел из подсудности суду присяжных, позволяют обосновать того же рода ограничения по уголовным делам об организации массовых беспорядков (и о дезорганизации деятельности пенитенциарных учреждений).

Все вышеизложенное позволяло Конституционному Суду Российской Федерации оценить конституционность пунктов 2 и 3 части второй статьи 30 УПК Российской Федерации, приняв жалобу заявителя к рассмотрению.